

Российская Академия Наук
Институт философии

1

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 9

Москва
2009

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Мораль имморализма. Беседа Дмитрия Фьюче с академиком РАН Абдусаламом Гусейновым	3
<i>П.А. Гаджикурбанова</i> «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П.Адо и М.Фуко)	27
<i>Р.Г. Апресян</i> Этика героического энтузиазма Джордано Бруно	43
<i>М.Л. Гельфонд</i> Вера как стратегия жизни (Размышления о природе веры Л.Н.Толстого)	65

НОРМАТИВНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

<i>Л.В. Максимов</i> Оправдание как процедура и вердикт морального сознания	85
<i>О.П. Зубец</i> Археология аристократизма (Англомания как способ философствования)	102
<i>А.В. Прокофьев</i> Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого	122
<i>Е.А. Сосновская</i> Специфика морального сознания японцев	146

ПУБЛИКАЦИИ

<i>С.А. Исаев</i> Предисловие к публикации	165
<i>Жан-Поль Сартр</i> Заметки по этике	168
<i>О.В. Артемьева</i> Предисловие к публикации	177
<i>Дж. Ст. Милль</i> Речь в защиту смертной казни (1868)	183
<i>Дж. Кэллахан</i> От «прикладной» этики к практической: преподавание этики в практическом аспекте	193
Об авторах	208

А.В. Прокофьев

Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого*

«Выбрать меньшее из двух зол...» Именно так мы характеризуем очень широкий ряд решений, требующих соотнесения самых разных жизненных потерь и приобретений. И в живом нравственном опыте, и в этической мысли сочетание слов «меньшее зло» часто используется всего лишь как фигура речи без определенного нормативного содержания. Любое неудобство, предпочтительное в сравнении с иным потенциальным неудобством, легко попадает в данную рубрику. Однако следует учитывать, что такое словоупотребление построено на основе предельно широкого понимания зла и неотрефлексированности факторов, которые делают его меньшим. Попытка уточнить значение этого слова и задуматься над критериями сравнения неизбежно ведет к пониманию того, что формула «выбор меньшего зла» указывает на совершенно специфическую логику принятия решений, которая в рамках морального сознания является спорной, а если спор разрешается в пользу ее допустимости, то трагической.

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Понятие меньшего зла: содержание, критерии, условия применения» (грант Президента РФ МД – 1557.2008.6). Выражаю свою благодарность участникам торетического семинара сектора этики ИФ РАН за их глубокие вопросы и критические соображения по поводу первоначального наброска статьи (текст обсуждения см: http://ethicscenter.ru/sem/prok_q.html), а также «Фонду содействия отечественной науке» за поддержку моей научно-исследовательской деятельности.

Если под злом понимать намеренное нарушение запрета на причинение ущерба другому человеку или системе кооперативных и доверительных отношений между людьми, то за формулировкой «меньшее зло» стоит не просто выбор между ситуациями, включающими разномасштабные потери и приобретения, а вынужденный выбор между двумя запрещенными моралью линиями поведения. Основной исследовательской задачей в этой связи является прояснение нормативного содержания логики меньшего зла и обоснование ее в качестве неизбежной составляющей морального мышления.

Общие формулировки

Логика меньшего зла противостоит ригористическому абсолютизму в моральной теории и в нравственном сознании, т.е. такой позиции, которая придает безусловное значение не только общей аксиологической установке морали, но и некоторым ее нормативным конкретизациям. Среди основных проявлений подобного абсолютизма: негативная деонтология, настаивающая на безусловном значении запретов на насилие и ложь, и этика прав человека, рассматривающая соблюдение каждого отдельно взятого права каждого отдельно взятого его обладателя в качестве безусловной обязанности. Отсюда следуют две формулировки, характеризующих логику меньшего зла. Одна отражает ее противостояние с негативной деонтологией ненасилия и «не лжи», другая – с абсолютистской этикой прав человека.

В первом случае:

При определенных условиях морально санкционированными (т.е. допустимыми или даже вмененными к совершению) могут быть те действия, которые противоречат тем или иным нравственным запретам, однако, совершение которых в конкретной ситуации позволяет предотвратить значительно более масштабное нарушение тех же (или иных) нравственных запретов.

Во втором случае:

При определенных условиях морально санкционированными (т.е. допустимыми или даже обязательными к совершению) могут быть те действия, которые нарушают право одного или не-

скольких человек ради значительного сокращения количества нарушений того же самого права или иных прав либо ради предотвращения существенного роста подобных нарушений.

Последняя формулировка в целом соответствует тому явлению, которое впервые подверг систематической критике Р.Нозик и которое в современной этике обозначается как «утилитаризм прав»¹. Для первой формулировки можно было бы ввести по аналогии обозначение «утилитаризм исполнения запретов». Однако дальнейший анализ логики меньшего зла покажет, что за этим понятием стоит гораздо более сложный и нюансированный тип рассуждения. В соответствии с этим возникнут существенные уточнения исходных формулировок.

Типичные случаи

Для того чтобы создать целостное представление о принятии решений на основе логики меньшего зла, необходимо разобраться с двумя предварительными вопросами: вопросом о типичных случаях ее применения и вопросом о критериях ранжирования зла.

Если отталкиваться от определения, оппонирующего этике абсолютных запретов, то типичные случаи делятся на связанные с запретом на ложь и связанные с запретом на насилие, т.е. на принуждение различного рода и причинение физического или психического ущерба. В рамках первой ниши можно вести речь о лжи, которая предохраняет вводимого в заблуждение человека от психических и физических потерь, связанных с предъявлением истины, а также о превентивной лжи, которая устраняет угрозу причинения значительного ущерба самому вынужденному лгать индивиду или другим людям. В рамках второй ниши присутствует следующая классификация случаев: 1) самооборона и защита других, сопряженные с причинением ущерба агрессору и даже его смертью; 2) наказание агрессора после того, как агрессия (или иное виновное причинение

¹ Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. N. Y., 1974. P. 29.

ущерба) уже завершились; 3) причинение ущерба третьим лицам ради предотвращения более значительного ущерба обществу в целом или отдельным его представителям.

Проблематичными с этической точки зрения могут быть все три перечисленных выше явления. Для этики ненасилия, например, даже силовая защита другого человека от чьих-либо агрессивных действий выступает как морально недопустимое деяние. Однако в своей оценке этой ситуации этика ненасилия остается в абсолютном меньшинстве среди других рефлексивных этических позиций. Ее рекомендации выглядят крайне экзотично для носителя обыденного нравственного сознания, в котором глубоко укоренено убеждение, что нарушитель определенного запрета полностью или частично исключается из-под его действия, а нарушитель определенного права полностью или частично поражается в правах. Это ослабление нравственных ограничений рассматривается как необходимое условие для эффективного противостояния активному, атакующему злу. Мера подобного ослабления максимальна в случае отражения и нейтрализации агрессии и существенно снижается в случае наказания, поскольку здесь уже невозможно предотвратить ущерб жертве злодея, а все прочие зоны, связанные с заслуженным воздаянием или обращенным в будущее сдерживанием, имеют меньший нравственный вес. Поэтому, например, допустимость причинения смерти агрессору в ходе самообороны или защиты другого не влечет за собой автоматически допустимость смертной казни.

Существенно, что этика ненасилия перестает быть единственной противницей применения логики меньшего зла в этих двух типичных случаях, когда речь заходит о причинении агрессору особых, специфических видов ущерба, тех, которые могут рассматриваться в качестве недопустимых даже по отношению к нарушителю фундаментальных нравственных запретов. В рамках кантовской этики такие виды ущерба обозначаются как «позорные» или «бесчестящие» и строго табуируются правилами уважения. Они, следуя Канту, много «тяжелее, чем потеря жизни и состояния»². В рамках этики прав человека эти

² *Кант И.* Метафизика нравов // *Кант И.* Критика практического разума. СПб., 1995. С. 482.

виды ущерба оговариваются специальным классом прав, действие которых не может быть приостановлено даже в чрезвычайных ситуациях. В Европейской конвенции по защите прав и свобод человека (1950) таким статусом обладают: внесудебное лишение жизни (кроме случаев абсолютно необходимого применения силы), наказание без законного юридического процесса, содержание в рабстве и пытки³.

В пределах рубрики «наказание» вряд ли найдется хоть сколько-то убедительное оправдание действий, унижающих человеческое достоинство преступника (таких, например, как пытки). А вот в рамках рубрики отражения и нейтрализации агрессии складывается иное положение. Подобные действия могут оказаться единственным эффективным средством предотвращения масштабного ущерба, т.е. средством нейтрализации агрессии, когда речь идет об агрессии организованной и коллективной или же агрессии, использующей сложные технические приспособления. В этом смысле характерен знаменитый пример «бомбы замедленного действия» или — для придания ситуации более острого характера — пример «ядерной бомбы замедленного действия». При определенном стечении обстоятельств причинение физического страдания участнику или организатору продолжающейся агрессии может послужить единственным способом получения спасительной для многих людей информации⁴.

Еще большей нравственной проблематичностью обладает третий случай, предполагающий причинение ущерба третьим лицам. Под третьими лицами подразумеваются те люди, которые не вовлечены в агрессивные действия, чреватые причинением ущерба, или шире — не создают угрозы причинения ущерба. Они заведомо выпадают из-под действия принципа, смягчающего наши нравственные обязательства по отношению к нарушителю нравственных норм (т.е. к злодею). Они не теряют своего права на жизнь, телесную целостность, собственность и т.д. Просто в силу обстоятельств ущерб, причиняемый им,

³ См.: URL=<http://www.hro.org/docs/ilex/coe/conv.htm>.

⁴ Для выявления *контуров* текущей этической дискуссии по проблеме см.: Torture: A Collection / Ed. by S. Levinson. N. Y., 2004; Torture: Does It Make Us Safer? Is It Ever OK? A Human Rights Perspective / K. Roth, M. Worden, eds. N. Y., 2005.

оказывается средством предотвращения ущерба множеству других людей. Эта ситуация является крайне неоднозначной и предельно сложной для абсолютного большинства этических традиций, исключая самые прямолинейные версии утилитаризма.

Критерии ранжирования

Само сочетание слов «меньшее зло» предполагает, что зло воспринимается как явление, подлежащее количественному измерению, что различные его проявления могут быть ранжированы в соответствии со степенью их нравственной неприемлемости. У меня нет убеждения, что это ранжирование может стать основой для строгой, алгоритмизированной логики принятия решений по образцу анализа выгод и затрат. Однако некоторые, самые общие критерии «измерения» зла вполне могут быть выявлены. Эти критерии должны соответствовать тем факторам, которые варьируют степень нравственного осуждения деяний. Нравственное осуждение, в свою очередь, зависит от внешних эффектов действия и от внутреннего отношения действующего субъекта к их возникновению. В соответствии с этим можно говорить о *внешнем* и *внутреннем* критериях измерения зла.

Наиболее очевидным является *внешний критерий*. Он определяется масштабом и характером ущерба (или вреда), который с большой вероятностью может причинить какое-то действие. В этом отношении моральная оценка опирается на некую интуитивно очевидную иерархию видов ущерба. Потерять собственность лучше, чем потерять жизнь, понести незначительный и временный ущерб здоровью лучше, чем очутиться в непоправимо искалеченном состоянии и т.д. Соответственно, при прочих равных условиях, характеризующих внутреннюю сторону совершаемого, лишение собственности воспринимается как менее предосудительное деяние, чем лишение жизни, а нанесение легких побоев, чем причинение глубокой инвалидности. Дополнением к иерархии видов ущерба является сугубо количественный, числовой показатель. Нравственное возмущение возрастает в случае серийности причинения вреда или его причинения сразу многим людям. Зло оказывается тем боль-

шим, чем больше количество его жертв. Выбор меньшего из зол, таким образом, всегда находится на пересечении количественных и качественных показателей ущерба.

Внутренний критерий, позволяющий ранжировать различные проявления зла можно описать следующим образом: мера предосудительности деяния зависит от мотива, который привел к его совершению, и от степени намеренности действий. Наряду с иерархией типов ущерба существует иерархия мотиваций, в которой последние размещены в соответствии с мерой своей моральной злокачественности. Убийство из ревности вызывает меньшее возмущение, чем убийство из корысти, и уж точно, чем убийство из человеконенавистнических, садистических соображений. Одновременно умышленное убийство (или иное злодеяние) рассматривается как большее зло, чем убийство, совершенное по небрежности или по неосторожности.

Влияет ли внутренний критерий «измерения» зла на логику принятия решений, предполагающую выбор меньшего из зол? Для случаев с причинением вреда третьим лицам, конечно, нет. Можно представить себе набор из трех ситуаций, в которых значительный экологический ущерб может быть предотвращен только за счет разрушения чьей-то собственности или причинения вреда чьему-то здоровью. Ситуации отличаются друг от друга только причиной возникновения угрозы. Она может быть результатом террористического акта (т.е. умышленно созданной), пренебрежения правилами техники безопасности (т.е. возникшей вследствие небрежности или неосторожности), природной катастрофы (т.е. возникшей вовсе без человеческого участия). Будет ли по-разному проходить грань морально обоснованного причинения вреда в этих трех ситуациях? Думаю, что вряд ли. Причина в том, что во всех этих ситуациях нет оснований для ослабления нравственных обязанностей по отношению к тем людям, ущерб которым рассматривается как меньшее зло.

Однако в тех случаях, где вред причиняется самому субъекту, творящему зло, внутренний критерий вполне может быть уместен. В этом отношении характерен пример наказания. И еще более интересный пример самообороны от так называемых невиновных агрессоров и угроз. Это одна из самых болезненных точек в нормативной теории самообороны. Под неви-

новным агрессором понимается тот, который превращается в агрессора вследствие введения в заблуждение, психотропного воздействия или психического заболевания, а под невиновной угрозой — человек, который создает опасность чьей-то жизни из-за простого стечения обстоятельств. Для некоторых авторов сама моральная допустимость самообороны стоит в этих случаях под вопросом⁵. Но даже те, кто не соглашается с таким радикальным выводом, ведут речь об иных, более строгих условиях морально допустимой самообороны, если ее объектом служит невиновный агрессор или невиновная угроза. Ужесточение условий означает увеличение риска для жизни или здоровья обороняющегося, и значит перед нами еще один фактор, определяющий, что есть большее, а что есть меньшее зло. И он является внутренним.

Проблема границ морально допустимого

Так выглядят критерии ранжирования на самый первый взгляд. Однако в дальнейшем станет ясно, что не только масштаб ущерба и в некоторых случаях степень виновности его причинения следует принимать в расчет при соотношении больших и меньших зол. Дополнительные факторы автоматически выявляются в ходе анализа конкретных проблем, связанных со статусом понятия «меньшее зло» в этике. В данной статье я попытаюсь проанализировать одну из них: проблему границ морально допустимого. У моего анализа будет комплексная цель: с одной стороны, провести систематическое оправдание этого способа морального рассуждения, а с другой — дополнить его образ совершенно необходимыми штрихами.

Итак, не является ли рассуждение, связанное с выбором меньшего зла, результатом неправомерного смещения границ морально допустимого? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо зафиксировать несколько нормативных позиций, ка-

⁵ См.: *McMahan J.* Self-Defense and the Problem of the Innocent Attacker // *Ethics*. 1994. Vol. 104. № 2. P. 252–290; *Otsuka M.* Killing the Innocent in Self-Defense // *Philosophy and Public Affairs*. 1994. Vol. 23. P. 74–94; *Rodin D.* War and Self-Defense. Oxford, 2002. P. 79–89.

сающихся того, где именно проходят такие границы. Для прояснения позиций я воспользуюсь иллюстративным аппаратом, сложившимся в ходе многолетнего обсуждения «проблемы трамвая». Этот аппарат относится к тем проявлениям меньшего зла, которые связаны с причинением ущерба третьим лицам. Он включает в себя в чем-то параллельные, а в чем-то отличающиеся друг от друга ситуации.

Ситуация 1.

Некто Z переводит стрелку, отклоняя движущийся трамвай в сторону от тупикового туннеля, где находятся 11 человек. В случае его бездействия гибнут 11, в случае действия спасаются 11. 11 улучшили свое положение, никто не ухудшил.

Ситуация 2.

Ввиду невозможности из-за недостатка времени остановить два движущихся трамвая, угрожающих соответственно 10 и 1 человеку (назовем его N), Z останавливает только один трамвай, угрожающий 10. В случае его бездействия гибнут все — 11, в случае действия — 1. 10 улучшили свое положение, никто не ухудшил.

Ситуация 3.

При приближении трамвая Z переводит стрелку с путей, где под угрозой находятся 10 человек, туда, где под угрозой оказывается только 1 (N). В случае бездействия Z гибнут 10, в случае действия — 1. 10 улучшили свое положение, 1 — ухудшил.

Ситуация 4.

При невозможности использовать любые другие средства Z сбрасывает N на рельсы, для того, чтобы падение его тела ввело в действие механизм торможения трамвая, который мог бы задавить 10 человек при своем дальнейшем движении. В случае бездействия Z гибнут 10, в случае действия — 1. 10 улучшили свое положение, 1 — ухудшил.

Ситуация 5.

За счет причинения смерти 1 из 11 человек, находящихся под угрозой быть раздавленными в тупике, Z останавливает трамвай (например, создает короткое замыкание, которое убивает N и выводит из строя электропроводку). В случае бездействия Z гибнут все — 11, в случае действия — 1. 10 улучшили свое положение, никто не ухудшил (не считая небольшую разницу во времени гибели 1 человека).

Со стороны теоретиков морали действия *Z* во всех этих ситуациях, кроме первой, могут восприниматься как сомнительные. Как показывают статистические исследования моральной интуиции, для преобладающего большинства респондентов первые три ситуации предполагают допустимость спасения, а четвертая находится в области недопустимого⁶. Моя задача показать, что спасение большинства в каждой из ситуаций со 2 по 5 либо в уже представленном выше виде, либо при изменении количественных параметров может попадать в область морально допустимого и обязательного к исполнению.

Решая эту задачу, необходимо учитывать, что нормативные позиции по поводу условий допустимости спасения большинства складываются в рамках двух не изолированных друг от друга, но все же специфичных перспектив: перспективы жертвы и перспективы деятеля. В одном случае в центре внимания находятся права и потери тех людей, чьи интересы затронуты ситуацией, во втором — контуры ответственного деяния. Далее я попытаюсь представить последовательную критику позиций, формирующихся в рамках одной и другой перспективы.

Перспектива жертвы

Ее отправной точкой служит тезис о том, что морально недопустимо использовать человека в качестве средства. Такое использование имеет место тогда, когда в ходе принятия какого-то решения интересы разных людей рассматриваются как разные интересы одного и того же коллективного субъекта. В этом случае присутствует пренебрежение «различием между личностями» (Дж. Ролз) или «раздельностью личностей»⁷. Кор-

⁶ См. напр.: Hauser M., Cushman F., Young L., Kang-Xing R., Mikhail J. A Dissociation Between Moral Judgments and Justifications // *Mind and Language*. 2007. Vol. 22. № 1. P. 1–21.

⁷ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 38. О разных формулировках идеи «раздельности личностей» см.: Norcross A. Two Dogmas of Deontology: Aggregation, Rights, and the Separateness of Persons // *Social Philosophy and Policy*. 2009. Vol. 26. № 1 (forthcoming, URL=www.ruf.rice.edu/~norcross/Separatenesspersons.pdf).

релятами (или тестирующими признаками) такого отношения являются: невозможность получить на него рациональное согласие жертвы, а также — очевидно фиксируемое нарушение неотчуждаемого индивидуального права.

При самом жестком понимании ограничений, налагаемых уважением к личности, действия Z по спасению большинства не являются допустимыми уже во второй ситуации: ведь он имел возможность спасти гибнущего на одном пути человека, но почему-то предпочел спасти *каждого* из 10, гибнущих на другом. «Раздельность личностей» (или «различие между ними») блокируют любые количественные калькуляции. Значит, один человек, принесенный в жертву, мог бы выразить свое возмущение по поводу игнорирования его интереса потенциальным спасителем. Реакцией на эту претензию со стороны Z могло бы стать *негативное уравнивание* положения всех задействованных лиц, в данном случае бездействие. Однако *негативное уравнивание* означало бы не равное уважение к интересам людей, а равное неуважение к ним. Поэтому единственным выходом из ситуации остается использование критерия «равных шансов каждого на спасение»⁸. Равенство шансов может быть достигнуто только использованием жребия, который предоставляет каждому 50-процентную возможность выжить. Таким образом, Z должен был бы бросить монету для определения того, к какой стрелке ему надо бежать.

Ответом на подобный вывод из тезиса о равной и безусловной ценности каждого человека может стать предположение, что спаситель, бросающий жребий, игнорирует правомерные претензии каждого *дополнительного* члена группы, представляющей большинство: второго, третьего, четвертого и т.д. Их присутствие или отсутствие совершенно не влияет на характер решения по поводу спасения одной из групп. Они тем самым лишаются какой бы то ни было ценности, превращаются для спасителя в «ничто». Таким образом, именно сложение интересов позволяет отнести к каждому из них как к цели. А практически оно может выразиться только в приоритете спасения

⁸ См.: Taurek J. Should the Numbers Count? // Philosophy and Public Affairs. 1977. Vol. 6. P. 303–310.

большинства. Даже N не мог бы разумно возражать против этого, поскольку такое возражение было бы тождественно призыву использовать как средство девять из десяти человек, находящихся по ту сторону стрелки. Отсюда следует допустимость, а принимая во внимание тот факт, что речь идет о жизненно важном интересе других людей, то и обязательность действий Z во второй ситуации⁹.

Но может быть, хотя Z и не относится к N как к средству во второй ситуации, это происходит в ситуации № 3. Если так, то почему? Ведь и в одном, и в другом случае Z ведет себя таким образом, будто бы N нет на рельсах. Для одного случая оправданность такого поведения была только что продемонстрирована, чем же тогда отличается другой? Если сохранять перспективу, связанную с положением жертвы, то различие можно провести по двум критериям: 1) при кажущемся тождестве итоговых потерь — потеря жизни — в третьей ситуации N теряет гораздо больше, поскольку он находился в полной безопасности, а затем лишился всяких шансов на выживание; 2) N становится жертвой намеренного действия, лишаящего его возможности контролировать свою жизнь, т.е. он теряет статус неприкосновенного человеческого существа. Отсюда следует, что действия Z могут рассматриваться как абсолютно недопустимое нарушение неотчуждаемого права на жизнь и что они не могут получить рационального согласия того, кто несет потери.

Каковы возможные возражения? Если взять пятую ситуацию, где факт больших потерь отсутствует, то один лишь критерий неприкосновенности перестает быть достаточно

⁹ Подобная аргументация представлена в работах Т.Скэнлона и Ф.Кэмм (*Scanlon T.M. What We Owe to Each Other. Cambridge, 1998. P. 232–233; Kamm F.M. Intricate Ethics: Rights, Responsibilities, and Permissible Harm. Oxford, 2006. P. 48–78*). В качестве требующей отдельного обсуждения альтернативы выступает принцип лотереи с неравным количеством шансов для ее участников. Z мог бы бросить жребий, который обеспечивает одному человеку вероятность спасения 1:11. Если использование принципа «равенства шансов» сводит на нет значение каждого добавочного члена большинства, то обеспечить уважение к нему могло бы именно пропорциональное неравенство шансов, а не спасение большинства.

убедительным основанием для проведения разграничений между допустимым и недопустимым. Так, в этой ситуации все 11 человек вполне могли бы прийти к соглашению по поводу того, что один из них должен умереть. Конкретный выбор мог бы быть отдан на волю случая. Принимая во внимание психологические и иные трудности самоубийства, участники соглашения могли бы договориться, что убийство будет произведено одним из остающихся в живых или кем-то извне их круга. То есть рациональное согласие всех потенциальных жертв до проведения жеребьевки (или *ex ante*) вполне очевидно. Оно и придает действию характер допустимого и даже обязательного. Однако остается возможность, что согласие *ex ante* не повлечет за собой согласия *ex post*¹⁰. Эта возможность сохраняет за совершаемым статус зла. И, значит, совершение таких действий должно субъективно влечь за собой переживание виновности.

Ту же самую логику можно было бы применить и к ситуациям 3–4 (или к тому варианту пятой ситуации, где выбор жертвы по жребию оказался бы невозможен). Рациональное согласие с правилом, предписывающим в экстренных ситуациях спасение большинства за счет принесения в жертву меньшинства, могло бы дать каждое из задействованных лиц. Во всяком случае, до того, как меньшинство поймет, что обстоятельства сделали его жертвой. Иными словами, согласие могло бы быть получено в ходе выбора между принципами действия за «занавесом неведения», если допустить, что у всех выбирающих есть одинаковые шансы оказаться на месте каждого, чьи интересы затрагивает последующая реализация избранного принципа. Тогда вероятность оказаться в числе большинства превысит вероятность своей альтернативы и правило спасения большинст-

¹⁰ О возможности согласия *ex ante* в подобных ситуациях см.: *Korsgaard C.M. The Reasons We Can Share: An Attack on the Distinction between Agent-Relative and Agent-Neutral Values // Social Philosophy and Policy. 1993. Vol. 10. P. 46*, о роли согласия *ex post* см.: *Applbaum A.I. Are Violations of Rights Ever Right? // Applbaum A.I. Ethics for Adversaries: The Morality of Roles in Public and Professional Life. Princeton, 1999. P. 164.*

ва будет выгодным каждому¹¹. При этом следует учитывать, что мера субъективной виновности Z, исполняющего это правило в ситуациях 3–4, должна быть гораздо выше, поскольку потери жертвы значительно больше.

С точки зрения теории прав также сохраняется возможность отстоять допустимость действий Z по спасению большинства в ситуациях 3–5. Дело в том, что неотчуждаемость прав не является простым и неразложимым понятием. Ситуация 5 показывает это наиболее очевидно: соблюдая право на жизнь одного из задействованных лиц, мы допускаем смерть их всех, включая того, чье право пытаемся соблюсти. Избежать такого вопиюще противоречивого положения позволяет только разграничение ценностей, формирующих этику прав человека. Такое разграничение попытался провести Т.Нагель в одной из своих поздних работ. С его точки зрения, этика прав человека формируется, во-первых, ценностью реальной «соблюдаемости» прав и, во-вторых, ценностью неприкосновенности личности (или «святости» права). Они не сливаются между собой: например, общество, которое не провозглашает святости права, может добиваться гораздо большего в фактическом соблюдении прав человека на уровне итоговой статистики. Это замечание не ведет автоматически к утверждению о том, что второе общество лучше. Однако указывает на различие между ценностями

¹¹ Эта интерпретация «занавеса неведения» и «исходного положения» противоречит той, которую предложил Дж.Ролз. Ролзова модель исключает возможность приписывать какую-то (в том числе, и равную) вероятность разным исходам в следующей за выбором моральных принципов жизненной лотерее. Однако эту модель нельзя использовать в данном случае. Она, как известно, ведет к выбору принципа, требующего улучшать положение проигравших. Однако в нашем случае (в отличие от случаев распределения ресурсов) потери проигравших не могут быть дифференцированы: единственная альтернатива спасения – гибель. Выходом из этого тупика могло бы стать обсуждение положения проигравших в терминах вероятности спасения. Тогда справедливым было бы обеспечить предельно возможное повышение шансов на спасение тех, у кого они меньше других. Но если участники соглашения не знают степень вероятности своей принадлежности к большинству, то они должны будут одобрить правило выравнивания шансов и использование жребия. А это, как мы выяснили, противоречит уважению к личности.

и на то, что между ними должно существовать определенное оптимальное соотношение. Там, где стремление обеспечить неприкосновенность личности низводит едва ли не до нуля «соблюдаемость» прав, — там оно оказывается неоправданно¹².

Подобное рассуждение ведет к пороговому пониманию этики прав человека (или так называемой «пороговой деонтологии») ¹³. Эта модель корректирует «утилитаризм прав», обрисованный выше в качестве грубого и приблизительного образца рассуждения по вопросу о выборе меньшего зла. И делает это следующим образом: до порога катастрофы нельзя ради обеспечения «соблюдаемости» прав жертвовать неприкосновенностью личности («святостью» права). После порога нарушение права оказывается допустимо для предотвращения или смягчения катастрофических последствий.

Другая поправка к «утилитаризму прав» соответствует сказанному о возможности согласия со стороны жертвы. Несмотря на допустимость и обязательность нарушения права в определенной ситуации, это нарушение все равно остается *нарушением права*, т.е. пренебрежением неприкосновенностью личности. Такое пренебрежение, хотя и вынужденное, влечет за собой ретроспективную моральную (а может быть, и не только моральную) ответственность. Оно порождает неразложимую остаточную виновность. Б.Уильямс сформулировал эту особенность ситуаций принятия решения в пользу меньшего зла с помощью понятий «моральная цена» действия и «моральный осадок», а М.Уолцер ввел для этих целей цели конструцию эффект «грязных рук». У последнего речь идет преимущественно о нарушении абсолютно неотчуждаемых прав — попытках в случае с бомбой замедленного действия, у первого — о менее трагических ситуациях, включающих ложь и предательство союзников политиком¹⁴.

¹² См.: Nagel T. Personal Rights and Public Space // Nagel T. Concealment and Exposure: And Other Essays. N. Y., 2002. P. 31–40.

¹³ Общую характеристику пороговой деонтологии см.: Alexander L. Deontology at the Threshold // San Diego Law Review. 2000. Vol. 37. № 4. С. 893–912.

¹⁴ См.: Уильямс Б. Политика и нравственная личность // Мораль в политике. Хрестоматия / Сост. и общ. ред. Б.Г.Капустина. М., 2004. С. 435, 437; Walzer M. Political Action: The Problem of Dirty Hands // Philosophy and Public Affairs. 1973. № 2. P. 166–168.

Перспектива деятеля

Граница морально допустимого и недопустимого может проводиться на основе анализа связи между волей действующего субъекта и итоговой ситуацией. Среди аксиом морали мы находим следующее утверждение: недопустимо намеренно причинять ущерб другому человеку. Это влечет за собой моральную ответственность в виде разного рода санкций. Но при этом никто не может нести ответственность за действия других лиц, а также за причинение ущерба какой-то безличной силой. Итоговый ущерб атрибутируется тем, кто является его причиной. Отдельным вопросом на фоне этого разграничения оказывается статус действий, связанных не с прямым причинением ущерба, а с непредотвращением опасностей и угроз. По формальным критериям отказ от предотвращения угрозы нельзя назвать причиной ущерба. По крайней мере, этот ущерб возник бы и при отсутствии того, кто допустил его возникновение, в определенном месте и в определенное время. А именно это обстоятельство часто и воспринимается как указание на отсутствие причинной связи.

Если опираться на подобные послылки, то спасение большинства в ситуациях 3–5 будет недопустимо: оно представляет собой совершение виновного деяния ради того, чтобы избежать события, которое никак не может повлиять на моральную самооценку. Однако параллельно придется признать, что спасение большинства в ситуации 2 и просто спасение в ситуации 1, являясь допустимыми, не являются этически обязательными. А это выглядит абсурдно. Мораль, состоящая исключительно из запретов, которые не позволяют причинять ущерб другому человеку, в корне не соответствует тому образу морали, который является общераспространенным. В нем императивы невреждения сосуществуют с императивами помощи, и их неисполнение влечет за собой моральную ответственность. Другими словами, в ситуациях 1 и 2 итоговый ущерб вполне может быть атрибутирован не только его непосредственному виновнику, но и тому, кто имел физическую возможность, но не предотвратил опасность. Именно этот человек рассматривается в качестве причины ущерба. В случае своего бездействия Z был

бы виновником смерти 11 человек. Существенно и то, что в ситуации 2 Z, предпринявший необходимые меры по спасению большинства, не рассматривается как виновник гибели N. Этот вывод связан с тем, что на момент действия существовало непреодолимое физическое препятствие для спасения всех, кто на тот момент находился в опасности. В итоге смерть N атрибутируется всецело случайному стечению обстоятельств.

Отсюда следует, что если граница между морально допустимыми и недопустимыми действиями проходит между 2 и 3 ситуациями, а в ситуациях 1 и 2 спасение является долгом, то мораль предполагает качественно различное отношение к разным случаям предотвращения вреда. Итоговое положение атрибутируется воле действующего субъекта только в тех случаях, когда предотвращение ущерба не требует нарушения какого-то нравственного запрета. В них устранение угрозы не только допустимо, но и обязательно. Однако если предотвращение ущерба сопряжено с нарушением запрета, то этот ущерб рассматривается исключительно как следствие поступков других людей или стечения обстоятельств. По сути, моральный запрет рассматривается в этом случае как аналог непреодолимого физического препятствия, блокирующего возможные действия по спасению жизней, например, как аналог пространственной удаленности, нехватки времени, недостатка физической силы и т.д. Z мог бы прокричать 10 гибнущим людям: сочувствую, но у меня нет никакой возможности вас спасти. На этой основе можно сделать вывод, что логика меньшего зла предполагает подмену субъекта ответственности. Она заставляет рассматривать *все* подлежащие моему частичному физическому контролю поступки других людей (или даже все физически подконтрольные стечения обстоятельств) как мои собственные поступки. А это недопустимо.

Слабым звеном в представленном выше контраргументе против логики меньшего зла, на мой взгляд, является отождествление между перспективой нарушения запрета и непреодолимым физическим препятствием. Ведь в случае, когда препятствием для устранения угрозы служит моральный запрет, сохраняется возможность выбора линий поведения, а значит, присутствует возможность для анализа, оценки и даже критики тех мотивов и оснований, которые обуславливают нежела-

ние субъекта пойти на нарушение запрета. Мне представляется, что подобное нежелание связано со стремлением сохранить нравственную цельность личности, возможность ретроспективно выстроить такой нарратив собственной жизни, в котором не было бы никаких расхождений между моральным идеалом и ситуативно обусловленными поступками. Это нежелание выражает особую, моноцентричную модель морального сознания, ориентированную, словами Х.Арендт, на постоянный внутренний диалог о том, смогу ли я после совершения того или иного поступка жить с самим собой — с таким преступником и злодеем¹⁵. Мне не хотелось бы полностью дискредитировать подобную логику рассуждения. Тот, кто считает убийство неприемлемым, конечно, всем сердцем стремится к тому, чтобы никогда его не совершить. Это вполне оправданное желание.

Однако если принять тот тезис, что высшей нравственной ценностью является благо другого человека, а не достижение индивидуальной моральной безупречности, то у стремления к наиболее полному воплощению морального идеала в отдельно взятой жизни есть свои внешние пределы и ограничения. Они связаны с неидеальностью мира, в котором мы живем. В нем нравственную цельность личности, моральную безупречность жизненного нарратива нельзя себе гарантировать даже в том случае, когда ты *постоянно, искренне и всеми силами* стремишься к воплощению общих этических принципов. Такие гарантии могут появиться только в результате искусственного усечения моральной ответственности. Приведенное выше понимание границ между моим и чужим поступком, моим поступком и стечением обстоятельств представляет собой не что иное, как уловку, позволяющую создать видимость того, что гарантии моральной безупречности присутствуют и в неидеальном мире¹⁶.

¹⁵ *Arendt H.* Collective Responsibility // *Amor Mundi. Explorations in the Faith and Thought of Hanna Arendt* / Ed. by J.W. Bernauer. Boston, 1987. P. 49.

¹⁶ Заметно более снисходительную позицию по отношению к мотиву сохранения нравственной чистоты отстаивает американский кантианец Т.Хилл в известной работе «Моральная чистота и меньшее зло» (см: *Hill T.E. Jr.* Moral Purity and the Lesser Evil // *Autonomy and Self-Respect*. Cambridge, 1991. P. 67–84). Однако он понимает и силу аргументов, стоящих за логикой меньшего зла.

А если не прибегать к таким уловкам, то выстраивается следующая картина. Непредотвращенные действия других людей имеют менее тесную связь с моральным субъектом, чем его прямые и непосредственные действия. Поэтому нельзя, соотнося между собой нарушение запрета, предотвращающее злодеяние, и нарушение запрета самими неостановленными злодеями, исходить исключительно из масштаба ущерба. Это утверждение сохраняет силу и для ситуаций, где потенциальный ущерб связан не со злодеянием, а с действием безличных сил. Однако в каком-то косвенном отношении ущерб от предотвращенных угроз *всегда* (sic!) атрибутируется именно тому, кто его не предотвратил. Это положение сохраняется и в тех случаях, когда устранение угрозы требует нарушения нравственной нормы. Отсюда следует, что в ходе принятия решения предотвращенный ущерб *всегда* необходимо соотносить с ущербом, причиняемым ради устранения опасности и в результате нарушения запрета. Естественно, что при этом они будут иметь разный вес. Косвенно причиняемый ущерб должен приниматься в расчет с серьезным понижающим коэффициентом и такое понижение должно быть тем больше, чем более значительным является вынужденное нарушение запрета. Но даже в этом случае за каким-то порогом тяжесть *непредотвращенного, причиняемого косвенно, сниженного в своем значении* ущерба будет больше тяжести ущерба, причиняемого прямо. Это и есть ситуация катастрофы, которую можно предотвратить только совершением меньшего зла.

Однако в рамках той же самой перспективы может сформироваться позиция, проводящая границу морально допустимого не между второй и третьей, а между третьей и четвертой ситуациями. Она находит свое выражение в «доктрине двойного эффекта» и также ориентирована на вопрос о возможности или невозможности атрибутировать итоговую ситуацию воле действующего субъекта. Итак, спасение, опосредствованное нарушением запрета, недопустимо. Однако возникает вопрос: когда я нарушаю его, а когда нет? Сами по себе причинные связи, возникающие между действиями человека и итоговой ситуацией, не всегда следует принимать в качестве знака того, что итоговая ситуация может быть приписана его воле. Даже если

он мог предвидеть наступление именно этих последствий и был способен их не допустить. Даже если физическое отсутствие человека в определенном месте и в определенное время означало бы, что ущерб никак не мог бы быть причинен. Такая возможность существует потому, что итоговая ситуация в какой-то своей части может быть сформирована не самим намеренным действием, а его побочными следствиями. Иными словами, нарушение запрета на причинение смерти или вреда физической целостности и здоровью имеет место только там, где такой вред был действительной целью действующего субъекта. Проблема состоит лишь в том, чтобы найти критерий, позволяющий выявить включенность негативных последствий в сам замысел действия.

Такой критерий не может быть субъективным, поскольку это привело бы к оправданию многочисленных форм нравственного бездумья, легкомыслия и недомыслия. В четвертой ситуации, например, Z легко мог бы заявить, что его целью была не смерть N, а его перемещение на рельсы, тогда как смерть стала побочным последствием этого действия. Для перевода решения проблем, связанных с намеренностью, на уровень анализа объективной стороны человеческих деяний можно использовать следующее правило. Если причиненный вред являлся непосредственной причиной достижения благой цели, если он был включен в последовательность событий, ведущих к ее достижению, то он входил в общий замысел действия, был подлинной, хотя и промежуточной целью действующего субъекта. В этой точке данная позиция пересекается с рассуждением об использовании человека в качестве средства. Ущерб определенному человеку, будучи *промежуточной целью*, становится *средством* обеспечения какого-то блага, например, спасения других людей. Можно сказать, что перед нами худший и буквальный вариант использования человека в качестве средства. Он-то и соответствует ситуации 4.

Однако ущерб может и не быть обязательным каузальным условием достижения благой цели, и тогда он превращается в побочное следствие, которое, если соблюдена пропорциональность между потерями и приобретениями, является морально допустимым. Такова ситуация 3. Дополнительная методика,

предложенная Дж. Финнисом, требует проанализировать различие в отношении деятеля к препятствиям, которые блокируют возможность возникновения ущерба в этих двух случаях. В первом случае возникновение препятствия означает невозможность достижения благой цели, например, крах замысла спасения (Z не удалось скинуть человека на рельсы), во втором — только то, что благая цель может быть достигнута без издержек, например, что спасутся все (трамвай сам остановился уже после того, как стрелка была переведена)¹⁷.

«Доктрина двойного эффекта» противостоит логике меньшего зла в двух отношениях. Во-первых, допустимые побочные следствия в виде причинения ущерба не рассматриваются как нарушение запрета, т.е. как зло. Это снимает необходимость вести речь о «моральной цене» и «грязных руках», в то время как выше я пытался показать, что это неотъемлемые спутники выбора меньшего зла. Во-вторых, сокращается ряд качественно различных ситуаций, в которых ущерб одним людям для спасения других является допустимым.

Насколько это оправдано? Я не сторонник того, чтобы, подобно П. Сингеру, видеть в таком разграничении всего лишь психологический рудимент, сохранившийся в ходе эволюции морали¹⁸. Но это и не однозначная, безусловная граница морально допустимого. Некоторые слабости доктрины «двойного эффекта» свидетельствуют об этом достаточно красноречиво.

Во-первых, доктрина «двойного эффекта» может придавать первостепенное *моральное* значение тем деталям, которые общий контекст ситуации превращает в очевидно *технические*. Например, в случае выбора между тем, чтобы в ситуации 4 толкнуть человека на рельсы или бросить ему под ноги мощное взрывное устройство, которое разрушит часть платформы и остановит трамвай, второй вариант будет в свете принципа «двойного эффекта» единственно оправданным.

¹⁷ *Finnis J. Christian Witness // Proportionalism: For and Against / Ed. by C. Kaczor. Milwaukee, WI, 2000. P. 382.*

¹⁸ *Singer P. Ethics and Intuitions // Journal of Ethics. 2005. Vol. 9. № 3–4. P. 346–349.*

Во-вторых, ради соблюдения доктрины «двойного эффекта» может оказаться необходимой такая линия поведения, которая фатально ухудшает положение *всех* находящихся под угрозой сторон, как это происходит в пятой ситуации при условии, что Z не решится в ней пожертвовать одним человеком из 11. Таким образом, доктрина легко превращается в аналог известного самопротиворечивого правила: «пусть свершится справедливость, хотя бы разрушился весь мир».

Наконец, при допущении абсолютности запрета на самоубийство доктрина «двойного эффекта» запрещает не только жертву другим человеком, но самопожертвование в тех случаях, где гибель спасителя является неизбежной и сама по себе служит средством спасения многих людей. В ситуации 4, например, Z не имел бы права пожертвовать собой, даже если бы выяснилось, что его прыжок на рельсы может иметь тот же эффект, что и падение N (хотя имел бы полное право дистанционно перенаправить на себя трамвай).

Для устранения этих слабостей мне представляется необходимым считать разграничение, акцентируемое доктриной «двойного эффекта», не качественным индикатором, а *релевантным для некоторых ситуаций количественным коэффициентом*, характеризующим связь поступков и итоговых положений. Где-то он вообще не создает моральных различий, где-то превращается в еще один повод для повышения порога допустимости в вопросах причинения ущерба (например, в ситуации 4 в сравнении с ситуацией 3)¹⁹.

¹⁹ Для сохранения композиционной полноты можно было бы отдельно обсудить находящуюся в том же русле концепцию «тройного эффекта» Ф.Кэм. Она построена на предположении, что граница допустимого проходит по ситуациям, лежащим где-то между третьей и четвертой по нашему списку. Например, с ее точки зрения, в пределах допустимого будет находиться спасение большинства в том случае, когда смерть N после переведения стрелки предотвращает возвращение трамвая к 10 находящимся на путях людям через объезд. Ф.Кэм описывает эту ситуацию, как жертву одним человеком ради спасения 10 человек от вторичной угрозы, возникшей в результате первичного акта их спасения (последняя по времени артикуляция подхода: *Kamm F.M. Intricate Ethics*. P. 91–130). Однако это искусственное разделение единой угрозы представляется мне необудительным.

Впрочем, мое предложение не является единственным способом реагировать на слабости доктрины «двойного эффекта». Современная этическая литература богата попытками сформулировать *общие* и *безусловные* принципы, объясняющие все практические выводы, которые влечет за собой эта доктрина, кроме заведомо противоречивых. Так, например, Ф.Фут попыталась опереться на тезис о безусловном приоритете обязанностей непричинения ущерба над обязанностями оказания помощи. По мнению Ф.Фут, в ситуации 3 допустимо и обязательно сделать выбор в пользу сохранения большего количества жизней, поскольку здесь сталкиваются между собой две негативных обязанности. В подобных случаях вопрос о допустимости действия решает только масштаб ущерба. В случае судьи, который мог бы вынести приговор невиновному для предотвращения массовых беспорядков (или в нашей ситуации 4) – нельзя, ибо негативная обязанность не причинять ущерб всегда перевешивает позитивную обязанность оказывать помощь. Ситуация 5 также является случаем столкновения негативных обязанностей и совпадает по своему смыслу с ситуацией 3²⁰.

Однако если сохранять строгое разграничение обязанностей помощи и обязанностей непричинения вреда (или позитивных и негативных прав), то в ситуации 3 по отношению к 10 людям на путях Z не реализует обязанность не вредить. Ущерб, в случае бездействия, нанес бы им не он, а трамвай или тот, кто создал угрозу. Z может их только спасти, т.е. выполнить по отношению к ним именно обязанность помощи. Мне представляется, что при сохранении строгого разграничения позитивных и негативных обязанностей конфликт двух негативных обязанностей по отношению к разным людям просто невозможен. Разве что в очевидно гротескной форме: очень хочется убить тех троих человек, но сдерживаюсь и убиваю вон того одного. Констатация невозможности конфликта негативных обязанностей на фоне утверждения их однозначного приоритета над позитивными возвращает нас к уже подвергнутой критическому анализу позиции, утверждающей недопустимость помощи опосредствованной нарушением запрета.

²⁰ Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect // Foot P. Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy. Oxford, 2002. P. 19–32.

Если же следовать тому толкованию ситуации 3, которое дает Ф.Фут, т.е. утверждать, что в ней убивает именно Z, имеющий возможность предотвратить угрозу, а не трамвай, то позитивная обязанность помощи уже была переформулирована в негативную обязанность непричинения ущерба. На что указывает возможность таких переформулировок и тот факт, что даже квалифицированный философ не всегда замечает их? На мой взгляд – на то, что воздержание от прямого причинения ущерба представляет собой обязанность, хотя и более сильную, но не безусловно приоритетную. В тех случаях, где неоказание помощи влечет за собой значительные потери, обязанность помощи вполне может перевешивать моральное требование непричинения ущерба. Именно в них она легко переформулируется в негативных категориях. А это восстанавливает в правах логику меньшего зла для ситуации 4.

Таким образом, ранжирование итоговых положений по принципу меньшего зла может применяться для всех подобных случаев, но для каждого из них существуют различные пороги его оправданного включения. Эти пороги связаны с масштабом того ущерба, который можно предотвратить, т.е. определяются на основе внешнего критерия, охарактеризованного мной в начале статьи. Вместе с тем проблема допустимости – это лишь одна из проблем, связанных с логикой меньшего зла. Ведь даже если в каком-то высоко абстрактном отношении логика меньшего зла оправданна, она может рассматриваться как практически неприемлемая, т.е. сопряженная с избыточными и неконтролируемыми эксцессами. Обилие практических издержек вполне может выступить в качестве решающего аргумента против применения определенных принципов принятия решений. Однако эта проблематика требует отдельного, специального обсуждения.